с монастырем). Киевские торговцы солью пожаловались князю на инока Прохора, который даром раздает людям соль (он, по легенде, чудесно превращал в соль золу). «Князь же, хотя им угодити, двое же помыслив в себе: да сущую молву в них упразднить, себе же богатство приобрящеть. Сию мысль имеа в уме своемь, съвещав с своими съветникы цену многу соли, да, отъемь у мниха, продавца ей будеть. Тогда крамольником тем обещевається глаголя: „Вас ради пограблю черньца", крыа в себе мысль приобретениа богатства. Сим же хотя мало угодити им, паче же многу спону им творя: зависть бо не весть предпочитати, еже полезно есть сътворити» (стр. 108). Когда отнятое у Прохора оказалось не солью, а золой, через три дня все выбросили на свалку. Но, по слову Прохора, бравшие теперь эту золу получали соль. Узнав об этом, «ужасеся сътворивый насилие». Когда же он услышал, что Прохор и хлеб из лебеды делает сладким, «князь стыдився о створенном». Он идет в монастырь, кается перед тем самым игуменом, которого он ссылал в Туров и, лишь «убояся» Владимира Мономаха, вернул в Печерский монастырь. Князь теперь дает «слово богови к тому не сътворити насилиа никому же» и обещает Прохору «своима рукама положити в гроб» инока. Он выполняет это обещание, чтит с тех пор святыни монастыря «и тако добре строашеся богом набдимое княжение его» (стр. 109). Так во всем этом эпизоде читателю раскрываются не только неблаговидные поступки князя, но и вскрыты те побуждения, которые стояли за ними, показана смена настроений князя, узнавшего о причине неудачи: ужас, стыд, раскаяние. За наивной фантастикой предания (зола становится солью) скрывается, очевидно, воспоминание о том, как монастырь конкурировал с городским «торжищем», уступая из своих запасов соль дешевле, чем торговцы. Какое-то участие в торговле солью в это время, видимо, принимал и Святополк, попытавшийся нажиться за счет монастырских запасов.

Повесть временных лет донесла только те известия о Святополке Изяславиче, которые изображают его на фоне междукняжеских отношений и характеризуют его военные столкновения с половцами. Лишь из сообщения о восстании мелкого городского люда, вспыхнувшем после смерти Святополка (1113 г.) в Киеве против киевского тысяцкого, сотских и ростовщиков, можно заключить, что Святополк поддерживал эту богатую верхушку в ущерб интересам трудящихся.[30] Рассказ о Прохоре Лебеднике существенно дополняет эти летописные известия не только новыми фактами — описанием поведения Святополка в год, когда население испытывало нужду в соли, но и мастерским изображением «помыслов» князя, определивших его поступки.

В незавидной роли выступает в рассказе о Федоре и Василии князь Мстислав Святополчич. И здесь жадность к чужому «сокровищу» обнаруживает жестокость князя. «С гневомь» он страшными пытками добивается от старика Федора признания, где он «скрыл» это сокровище; «Шумен быв от вина», он приказывает бить другого старца Василия, который раскрывает ему бесовский обман (бес в облике Василия рассказал боярину и князю о зарытом в пещере кладе), сам стреляет в Василия, но тот, вынув стрелу «из утробы своея», бросил ее князю, сказав: «Сею стрелою сам уязвен будеши». Обоих старцев заточили «разно» и мучили «зле». Ночью они умерли. А князь Мстислав, по предсказанию Василия, «не по мнозех днех» был застрелен во Владимире «на забралех» во время битвы с Давидом Игоревичем; он узнал стрелу, которой он стрелял в Ва-

---

[30] См. об этом восстании: Б. Д. Греков. Киевская Русь. М.—Л., 1949, стр. 496—498.